

Фиксация и оборот исключительных прав на объекты авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность?

Аннотация. Применение новых технологий, включая блокчейн и NFT, может стать инструментом для обеспечения защиты прав и законных интересов правообладателей и стимулирования инноваций в различных сферах. В работе рассматриваются две правовые проблемы, связанные с депонированием и оборотом результатов интеллектуальной деятельности, в том числе объектов авторского права. Первая проблема заключается в возможности использования технологии блокчейн для депонирования таких объектов. В статье представлен обзор основных методов фиксации факта существования объекта авторского права, включая варианты без депонирования и с депонированием. Автор делает вывод о том, что депонирование объекта авторского права, в том числе с использованием блокчейна, не является его использованием в смысле гражданского законодательства. Вторая проблема заключается в обороте прав на депонированные объекты. Автор предлагает оптимальный путь для правообладателя — депонирование результата интеллектуальной деятельности с последующей передачей NFT правообладателю. Данное решение позволит приравнять передачу NFT к передаче исключительного права на произведение.

Ключевые слова: исключительное право; NFT; блокчейн; депонирование; договор об отчуждении исключительного права; лицензионный договор; реальный договор; консенсуальный договор; объект авторского права; воспроизведение; хранение.

Для цитирования: Чурилов А. Ю. Фиксация и оборот исключительных прав на объекты авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 89–99. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.089-099.

© Чурилов А. Ю., 2024

* Чурилов Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, Научно-образовательный центр «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» ЮИ НИ ТГУ
Московский тракт, д. 8, г. Томск, Россия, 634050
Lefikantor@yandex.ru

Fixation and Turnover of Exclusive Rights to Copyrighted Works Using Smart Contracts: A Myth or Reality?

Aleksey Yu. Churilov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, «Intellectual Property and Intellectual Rights» Scientific and Educational Center, Law Institute of the National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
Lefikantor@yandex.ru

Abstract. The use of new technologies, including blockchain and NFT, can become a tool to ensure protection of rights and legitimate interests of copyright holders and stimulate innovation in various fields. The paper considers two legal problems related to the deposit and turnover of the results of intellectual activities, including copyrighted works. The first problem is the possibility of using blockchain technology to deposit such works. The paper provides an overview of main methods of fixing the fact of existence of a copyrighted work, including options without depositing and with depositing. The author concludes that depositing an object of copyright, including blockchain, does not mean its use in the sense of civil law. The second problem is the turnover of rights to deposited objects. The author suggests the best way for the copyright holder, i.e., depositing the result of intellectual activity with subsequent transfer of the NFT to the copyright holder. This solution will make it possible to equate the transfer of NFT with the transfer of the exclusive right to the work.

Keywords: exclusive right; NFT; blockchain; deposit; agreement on alienation of exclusive right; license agreement; real agreement; consensual agreement; object of copyright; reproduction; storage.

Cite as: Churilov AYu. Fixation and Turnover of Exclusive Rights to Copyrighted Works Using Smart Contracts: A Myth or Reality? *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):89-99. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.089-099

Вопрос фиксации факта существования результата интеллектуальной деятельности (далее также — РИД) в настоящее время, с учетом поступательного развития цифровизации, стоит довольно остро. И если применительно к объектам промышленной собственности (изобретениям, промышленным образцам, полезным моделям) проблема фиксации решается процедурой государственной регистрации и выдачей патента, то в отношении объектов авторского права, права на которые возникают независимо от каких-либо формальностей, вопрос остается открытым. Одним из способов решения этой проблемы представляется использование механизма депонирования (хранения) объектов авторского права для фиксации как факта их существования, так и сведений о правообладателе. Перспективным направлением в этой сфере является использование технологии блокчейн¹.

Технология блокчейн — это одна из наиболее инновационных технологий последних лет, которая перевернула традиционное представление о том, как информация может храниться и передаваться в цифровой среде. Суть технологии заключается в том, что она представляет собой распределенную базу данных, в которой информация хранится в цепочке блоков, причем каждый блок содержит не только собственную информацию, но и хэш предыдущего блока. Это создает связь между блоками и делает цепочку неизменяемой, что обеспечивает высокий уровень безопасности и прозрачности передачи и хранения информации в рамках отдельной блокчейн-сети. При этом каждый узел имеет копию всей базы данных, что обеспечивает высокую степень защиты от взлома и внешних атак, а также потери информации.

Блокчейн представляет собой пример масштабируемой технологии², которая имеет прак-

¹ Гончаров А. И., Иншакова А. О., Матыцин Д. Е. Имплементация цифровых технологий в правовое регулирование оборота результатов интеллектуальной деятельности и совершенствование защиты прав их авторов // Юрист. 2022. № 2. С. 15–28. DOI: 10.18572/1812-3929-2022-2-15-28.

тически неограниченный потенциал для использования во многих сферах экономики. Однако помимо преимуществ, которые освещены в научной и технической литературе достаточно широко, у технологии блокчейн есть свои недостатки и проблемы, которые зачастую упускаются из виду при попытках имплементации этой технологии в различные сферы экономики. Одной из главных проблем является высокая стоимость проведения операций (транзакций в сети). Для подтверждения транзакций узлам сети (или нодам) необходимо решать определенные математические задачи, что требует больших вычислительных мощностей. В системах, использующих технологию блокчейн, возможны ошибки и недоработки, которые могут привести к серьезным последствиям. Например, в 2016 г. произошла крупнейшая в истории кража биткоинов, когда неизвестные злоумышленники использовали уязвимости в системе биржи Bitfinex для похищения 119 тыс. биткоинов. Несмотря на то что произошел взлом не самой системы блокчейн, а связанной с ней «внешней» системы, описанный случай свидетельствует о том, что система может быть уязвимой если не напрямую, то опосредованно — через связанные системы, без которых, как правило, невозможно взаимодействие системы с пользователем. Эти риски и проблемы технологии необходимо учитывать при реализации любых проектов с использованием этой технологии.

Активно развивающимся направлением использования технологии блокчейн в настоящее время является создание невзаимозаменяемых

токенов (далее — NFT, NFT-токен), посредством которых, по утверждению исследователей и разработчиков этой технологии, можно осуществлять передачу различных, в частности цифровых, благ. Считается, что использование NFT позволяет привязать конкретный объект права к цифровому «образу» и тем самым вести учет прав на них, в том числе осуществлять посредством передачи такого токена передачу прав на определенное благо, например недвижимость³.

Ведущей платформой размещения NFT является Ethereum, в рамках которой разработан технологический стандарт EIP-721, посредством которого создаются соответствующие токены ERC-721. Важно понимать, что NFT является элементом смарт-контракта, представляющим собой уникальный номер формата uint256 внутри кода смарт-контракта. Именно эта особенность программного кода NFT создает эффект идентифицируемости каждого объекта, в отношении которого этот смарт-контракт был создан. Таким образом, NFT представляет собой такой элемент смарт-контракта, благодаря которому он приобретает признак невзаимозаменяемости — свойство идентифицируемости, позволяющее на технологическом и правовом уровне отличать один токен от другого, что и позволяет опосредовать переход прав на объект от одного лица к другому⁴. Если проводить аналогию с вещами⁵, то токен, не обладающий уникальным номером, является вещью родового, а обладающий — индивидуально определенной, которая была выделена среди родовых посредством присвоения особого идентификатора⁶.

² Под масштабируемостью понимается свойство системы увеличивать эффективность и рабочую нагрузку при добавлении ресурсов. См.: Bondi A. B. Characteristics of scalability and their impact on performance // In Proceedings of the 2nd international workshop on Software and performance. Association for Computing Machinery, NY, USA. 2000. P. 195–203. DOI: 10.1145/350391.350432.

³ Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. М. : 4 Принт, 2020.

⁴ Чурилов А. Ю. Правовое регулирование оборота невзаимозаменяемых токенов: проблемы и перспективы // Хозяйство и право. 2022. № 1. С. 64–75.

⁵ Следует подчеркнуть, что вряд ли можно в действительности рассматривать криптовалюту и токены в качестве вещей, хотя в литературе встречается и противоположное мнение. См.: Скловский К. И., Костко В. С. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 115–143.

⁶ Более подробно см.: Хаскельберг Б. Л., Ровный В. В. Индивидуальное и родовое в гражданском праве. 2-е изд. М. : Статут, 2004.

Фиксация существования результата интеллектуальной деятельности с использованием системы блокчейн может осуществляться двумя способами: с депонированием объекта и без такового. Каждый из этих способов заслуживает отдельного внимания, поскольку имеет как преимущества, так и недостатки, а также связанные с ними правовые риски.

Процесс фиксации существования РИД **без депонирования** представляет собой выдачу определенного «сертификата», который может представлять собой, например, уже упомянутый NFT-токен, создаваемый в системе блокчейн. Удобство этого способа проявляется в том, что фиксация существования РИД в блокчейне гарантирует неизменность этого свидетельства (информации, содержащейся в нем) и подтверждение того, что информация о лице, которое предоставило информацию для фиксации прав на РИД, не будет изменена неправомерными действиями третьих лиц. Поскольку информацию изменить невозможно, это позволит создать определенную презумпцию достоверности информации, содержащейся в этом сертификате (с учетом того, что реестры блокчейн не относятся к государственным).

У такого способа фиксации есть и недостатки. В частности, поскольку депонирования результата интеллектуальной деятельности не происходит, убедиться в том, что депонент является правообладателем конкретного произведения, в отношении которого выдан сертификат, практически невозможно. Решить эту проблему можно, если по аналогии с процедурой регистрации программ для ЭВМ (которую совершенно справедливо считают необходимым переименовать в «депонирование»⁷) предлагать автору предоставить реферат с описанием произведения, который позволил бы идентифицировать этот РИД в случае спора. Безусловно, это решение довольно спорно с точки зрения реализации

прав автора, поскольку такой способ фиксации повышает риск спора о тождестве объекта, в отношении которого был выдан сертификат, подтверждающий факт депонирования, и РИД, в отношении которого ведется спор.

Фиксация **с депонированием**, в свою очередь, позволит избежать недостатков, присущих процессу фиксации без депонирования. Вместе с тем следует отметить те правовые проблемы, которые могут возникнуть при таком способе фиксации факта создания РИД и прав на него. В фиксации с депонированием можно выделить два основных пути: депонирование будет осуществляться традиционным способом на устройства хранения стороны (речь идет о традиционных системах хранения информации — базах данных SQL) либо с использованием технологии блокчейн, т.е. хранение депонированного РИД будет осуществляться в связке с соответствующим сертификатом (NFT) в самой системе блокчейн.

Упомянутые ранее особенности технологии блокчейн в целом и смарт-контрактов в частности потенциально делают их крайне перспективными с точки зрения фиксации прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также их оборота. Возможность использования этой технологии для фиксации прав на РИД неоднократно описывалась в литературе⁸. Существуют реальные примеры реализации такой технологии в отдельных сферах авторского права и смежных прав. Однако вопрос правового регулирования и применения до сих пор не проработан в достаточной мере, что может привести к негативным правовым последствиям использования блокчейна и смарт-контрактов при депонировании РИД. Более того, необходимо учитывать особенности этих технологий, в том числе при определении юридических рисков реализации депонирования объектов авторского права в сети блокчейн. Следует ого-

⁷ Новоселова Л. А. Государственная регистрация программ для ЭВМ: модель будущего авторского права? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1. С. 62–71.

⁸ См.: Фролов П. П. Депонирование как ключ к решению проблемы авторства музыкальных произведений // Право и бизнес. 2021. № 4. С. 52–55; Благополучная К. В. О новой системе верификации цифровых файлов WIPO Proof // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2020. № 7. С. 37–44.

вориться, что фиксация не носит правопорождающего (правоустанавливающего) характера, поскольку права на объекты авторских прав возникают в силу факта их создания и не требуют соблюдения каких-либо формальностей — отечественный законодатель воспринял положения Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений, закрепив соответствующие положения в ст. 1259 ГК РФ. Как справедливо отмечает Верховный Суд РФ, факт депонирования подтверждает лишь существование таких объектов авторского права на момент депонирования, но сам по себе не подтверждает права авторства на эти объекты. Депонирование произведения является добровольной, не предусмотренной законом процедурой, с которой закон не связывает наступление каких-либо последствий. Депонирование лишь подтверждает существование в определенный момент экземпляра определенного произведения⁹. Депонирование может осуществляться как автором, являющимся правообладателем, так и правообладателем, не являющимся автором. В дальнейшем в работе будет использоваться термин «правообладатель» применительно ко всем субъектам депонирования.

Одной из ключевых правовых проблем, связанных с депонированием объектов авторского права, является проблема потенциального

нарушения исключительного права на депонируемый объект. В соответствии со ст. 1270 ГК РФ использованием произведения независимо от того, совершаются ли соответствующие действия в целях извлечения прибыли или без такой цели, считается, в частности, воспроизведение произведения, т.е. создание одного или нескольких экземпляров произведения. Возникает резонный вопрос: не будет ли депонирование являться формой воспроизведения объекта авторского права? Судебная практика и доктринальные воззрения по этому вопросу на протяжении нескольких лет разительно изменились. Как еще в 2016 г. указал Верховный Суд РФ, хранение охраняемого произведения в цифровой форме в электронном средстве является воспроизведением в смысле ст. 9 Бернской конвенции¹⁰. Эта позиция как подерживалась¹¹, так и совершенно справедливо критиковалась в литературе¹². В итоге Верховный Суд РФ изменил свое мнение на диаметрально противоположное, указав, что само по себе хранение материального носителя, в котором выражен объект авторского права, без цели введения его в гражданский оборот не является самостоятельным способом использования произведения, в связи с чем такое хранение не требует специального согласия правообладателя¹³.

⁹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.09.2020 № 305-ЭС20-8198 по делу № А40-46622/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.06.2016 № 308-ЭС14-1400 по делу № А20-2391/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Савельев А. И. Хранение или воспроизведение? К вопросу о бремени доказывания по спорам о защите исключительного права на компьютерную программу. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 08.06.2016 № 308-ЭС14-1400 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 8. С. 20–24.

¹² Гаврилов Э. О содержании исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Хозяйство и право. 2017. № 6. С. 3–12; Калятин В. О. Хранение произведения в цифровой форме как способ его использования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 1. С. 70–81.

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

Следует отметить, что и в настоящее время существует позиция, рассматривающая хранение произведения в памяти устройства в качестве использования. См., например: Еременко В. И. О постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10: авторское право и смежные права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 8. С. 5–22.

При этом в данном случае категорию «материальный носитель» следует толковать шире, нежели как «вещь»: цифровая форма тоже является своего рода материальным носителем. Как отмечается в литературе, существуют различные материальные формы воплощения РИД, в том числе цифровая¹⁴, т.е. речь идет о цифровой форме бытия материального носителя¹⁵. В этой связи более корректным было бы говорить не о хранении «материального носителя», а о хранении «формы объективизации» результата интеллектуальной деятельности, который может быть объективирован как в форме предмета материального мира (вещи), так и в цифровой форме. По мнению исследователей, объективная форма, как правило, совпадает с понятием материальной формы, однако понятие объективной формы более широкое, чем понятие материальной формы¹⁶. Более того, следует понимать, что, даже хранясь в памяти компьютера, строго говоря, файл всё же находится на определенном материальном носителе (техническом материальном устройстве¹⁷) — жестком диске соответствующего компьютера (или в его оперативной памяти). В этой связи вряд ли можно безоговорочно согласиться с тем, что, к примеру, одним из признаков мультимедийного продукта является «оторванность от материального носителя»¹⁸. В судебной практике также встречалось упоминание материального носителя применительно к цифровой форме существования объекта авторского права, в частности программы для ЭВМ¹⁹. Следовательно, простое хранение в памяти компьютера без каких-либо дополнительных действий с депонированным объектом не будет представлять

собой использование объекта авторского права по смыслу ст. 1270 ГК РФ и не будет требовать согласия правообладателя (к примеру, при последующем переходе исключительного права на депонируемый РИД). Более того, поскольку депонирование представляет собой услугу, оказываемую автору, факт заключения договора с депонентом можно рассматривать как согласие правообладателя на осуществление хранения объекта авторского права.

Если депонирование в традиционной SQL-базе данных с последующей выдачей «свидетельства» (в том числе в виде NFT) после разрешения вопроса об использовании объекта авторского права посредством его воспроизведения не представляет дополнительных сложностей, то депонирование в системе блокчейн требует дополнительного изучения. В частности, одной из особенностей блокчейн-систем является открытость и публичность всей информации, которая в нем находится, и, следовательно, депонирование объекта может являться актом доведения до всеобщего сведения, что, в отсутствие согласия, будет нарушением исключительного права правообладателя. Эту проблему можно решить путем создания на базе организации не публичного, а частного блокчейна, доступ к которому будет лишь у уполномоченных лиц — определенных приказом организации работников и правообладателя, а также, при наличии соглашения между правообладателем и контрагентом, у последнего.

При депонировании в системе блокчейн необходимо учитывать, что традиционные механизмы работы proof-of-work, который используется в системах блокчейн первого поколения

¹⁴ Щербак Н. В. Digital art в условиях электронной коммерции // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 7. С. 43–61.

¹⁵ Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике : монография. М. : Юстицинформ, 2022.

¹⁶ Щербак Н. В. Указ. соч. С. 43–61.

¹⁷ Лисиенкова Л. Н., Комарова Л. Ю. Обзор современных устройств хранения данных // Известия Тульского государственного университета. Серия «Технические науки». 2020. № 7. С. 259–265.

¹⁸ Рахматулина Р. Ш. Цифровая форма объектов авторского права // Право и цифровая экономика. 2019. № 1. С. 35–38.

¹⁹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2022 № 17АП-2977/2017-ГК по делу № А60-46975/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

(биткоин и иные криптовалюты), крайне энергозатратны по сравнению с другими системами хранения информации и совершения транзакций²⁰. Вместе с тем в настоящее время появились более эффективные и менее энергозатратные принципы работы с системой блокчейн, в частности используемый системой Ethereum механизм подтверждения транзакций позволил снизить энергопотребление на 99,84 % по сравнению с механизмом, который используется, к примеру, в системе биткоина²¹. Таким образом, наиболее эффективным в настоящее время будет использование новейших модификаций системы блокчейн для целей депонирования объектов авторского права.

Кроме того, преимуществом использования блокчейн-реестров для депонирования РИД является появление возможности организации оборота прав на соответствующий объект. Оборот прав будет осуществляться следующим образом: при депонировании РИД правообладатель вправе создать смарт-контракт с присоединенным к нему элементом NFT. Такая связка позволит в любой момент идентифицировать соответствующий объект, который связан со смарт-контрактом. Кроме того, в программный код смарт-контракта можно включить условия, позволяющие посредством его передачи третьему лицу осуществлять и передачу исключительного права на соответствующий объект авторского права. Вместе с тем техническая природа смарт-контракта требует дополнительных пояснений, касающихся правовых особенностей оборота прав на РИД.

В соответствии со ст. 1234 ГК РФ по договору об отчуждении исключительного права одна сторона (правообладатель) передает или обязуется передать принадлежащее ей исключи-

тельное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации в полном объеме другой стороне (приобретателю). Несмотря на делящуюся дискуссию о возможности существования реального договора об отчуждении исключительного права²² (да и вообще о необходимости этого деления применительно к договорам, опосредующим оборот исключительных прав²³), автор работы присоединяется к точке зрения, в соответствии с которой договор об отчуждении исключительного права может быть как реальным, так и консенсуальным. Особенностью оборота исключительных прав с использованием смарт-контракта является то, что права по нему должны переходить при передаче NFT от продавца к покупателю. В этой связи, поскольку моменты перехода права и передачи NFT совпадают, можно также говорить о возможности заключения договора об отчуждении исключительного права как по модели реального договора, который будет заключен с момента передачи NFT, так и по консенсуальной модели, при этом такой договор может быть заключен в традиционной «аналоговой» форме и передача токена NFT, который удостоверяет исключительное право, будет приравниваться к передаче исключительных прав. При такой конструкции, когда NFT удостоверяет исключительное право на РИД наподобие ценной бумаги, оборот прав на РИД становится гораздо более прозрачным и приобретает сходство с оборотом вещей, когда передача NFT приравнивается, по существу, к передаче исключительного права (права собственности на вещь) по договору об отчуждении исключительного права (договора купли-продажи)²⁴, или же с оборотом прав на бездокументарные ценные бумаги, с учетом того что оборот

²⁰ URL: <https://digiconomist.net/bitcoin-energy-consumption> (дата обращения: 24.06.2023).

²¹ URL: <https://digiconomist.net/ethereum-energy-consumption> (дата обращения: 24.06.2023).

²² Гаврилов Э. Консенсуальные и реальные договоры в части четвертой ГК РФ // Хозяйство и право. 2019. № 2. С. 57–63.

²³ Подробнее об этом см.: Белоусов В. Н. Договор об отчуждении исключительного права как самостоятельный институт гражданского права // Гражданское право. 2020. № 1. С. 20–23.

²⁴ Более подробно о значении передачи вещи для перехода права собственности см.: Хаскельберг Б. Л. Основания и способы приобретения права собственности // Цивилистические исследования. Ежегодник гражданского права. 2006. Вып. 2. С. 335–377.

NFT отражается в соответствующем реестре. При этом, в отличие от оборота вещей, преимуществом использования смарт-контрактов является публичность сведений об обладателе NFT, что позволит гораздо быстрее и с меньшими затратами осуществлять поиск правообладателя.

Вторым вопросом, требующим отдельного обсуждения, является вопрос о форме договора, заключаемого по конструкции смарт-контракта²⁵. В соответствии со ст. 1234 ГК РФ договор об отчуждении исключительного права заключается в письменной форме, при этом несоблюдение письменной формы влечет недействительность договора. С точки зрения действующего законодательства, в частности ст. 434 ГК РФ, договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абзаца второго п. 1 ст. 160 ГК РФ, т.е. при соблюдении требований идентификации сторон при использовании технических средств и возможности воспроизведения сделки на материальном носителе. И если «условия» смарт-контракта в виде кода можно довольно легко перевести в материальный (печатный) вид, то с идентификацией сторон потенциально могут возникнуть проблемы,

поскольку классические блокчейн-технологии, по общепризнанному мнению, являются если не анонимными, то псевдоанонимными. Как отмечают исследователи, элементом смарт-контракта как программного кода является цифровая подпись, которая подтверждает волю участников сделки, запускает действие алгоритма смарт-контракта при заключении договора²⁶. Такую подпись можно рассматривать как элемент идентификации сторон в том случае, если для ее применения будет использована площадка организации, требующая регистрации и предоставления совокупности данных участников, благодаря которым они могут быть идентифицированы²⁷. При этом невозможно согласиться с мнением о том, что «такой контракт считается подписанным с момента выражения согласия, а не с момента заключения»²⁸, поскольку, как справедливо отмечается в литературе, учитывая ожидания сторон, в большинстве случаев договор должен считаться заключенным именно в момент его подписания сторонами²⁹.

Поводя итог, следует заключить, что, несмотря на определенные правовые и технические сложности, реализация фиксации и оборота исключительных прав на объекты авторского права с применением технологии блокчейн возможна. При этом при реализации такого проекта необходимо учитывать, помимо указанных

²⁵ Дискуссия о природе смарт-контракта в настоящее время далека от завершения. В данной работе смарт-контракт рассматривается как договорная конструкция. Эта точка зрения довольно популярна среди современных исследователей. См.: *Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В.* Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // *Lex russica*. 2019. № 8. С. 51–62; *Ахмедов А. Я.* К вопросу о признаках смарт-контракта как договорной конструкции // *Право и цифровая экономика*. 2020. № 2. С. 22–25.

Обзор иных точек зрения см.: *Белов В. А.* Смарт-контракт: понятие, правовое регулирование, правоприменительная практика, потребительские отношения // *Право и экономика*. 2021. № 9. С. 35–41.

²⁶ *Санникова Л. В., Харитонова Ю. С.* Указ. соч.

²⁷ Набор этих данных, а также вопросы соответствия их обработки требованиям законодательства о персональных данных являются предметом самостоятельного исследования, поэтому в рамках этой работы рассмотрены не будут.

²⁸ *Юзефович Ж. Ю., Хазова В. Е.* Цифровые права как объекты гражданских прав // *Гражданское право*. 2022. № 5. С. 15–18.

²⁹ Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» / *Е. Д. Автонова, П. А. Астапенко, Д. В. Борейшо [и др.]* // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2019. № 9. С. 68–118.

проблем, те затраты, которые необходимо будет понести организации. К ним можно отнести, в частности, затраты на разработку или приобретение программного и аппаратного обеспечения для депонирования с использованием технологии блокчейн; необходимость оплаты транзакционных сборов за размещение данных

в сети блокчейн (этот вопрос представляет отдельный интерес в том случае, если реализовывать такое депонирование будет юридическое лицо, не являющееся собственником своего имущества), а также необходимость разработки юридической документации для депонирования объектов авторского права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ахмедов А. Я. К вопросу о признаках смарт-контракта как договорной конструкции // Право и цифровая экономика. — 2020. — № 2. — С. 22–25.
2. Белов В. А. Смарт-контракт: понятие, правовое регулирование, правоприменительная практика, потребительские отношения // Право и экономика. — 2021. — № 9. — С. 35–41.
3. Белоусов В. Н. Договор об отчуждении исключительного права как самостоятельный институт гражданского права // Гражданское право. — 2020. — № 1. — С. 20–23.
4. Благополучная К. В. О новой системе верификации цифровых файлов WIPO PROOF // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2020. — № 7. — С. 37–44.
5. Гаврилов Э. Консенсуальные и реальные договоры в части четвертой ГК РФ // Хозяйство и право. — 2019. — № 2. — С. 57–63.
6. Гаврилов Э. О содержании исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Хозяйство и право. — 2017. — № 6. — С. 3–12.
7. Гончаров А. И., Иншакова А. О., Матыцин Д. Е. Имплементация цифровых технологий в правовое регулирование оборота результатов интеллектуальной деятельности и совершенствование защиты прав их авторов // Юрист. — 2022. — № 2. — С. 15–28. — DOI: 10.18572/1812-3929-2022-2-15-28.
8. Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. — 2019. — № 8. — С. 51–62.
9. Еременко В. И. О постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10: авторское право и смежные права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2019. — № 8. — С. 5–22.
10. Калятин В. О. Хранение произведения в цифровой форме как способ его использования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — № 1. — С. 70–81.
11. Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике : монография. — М. : Юстицинформ, 2022. — 228 с.
12. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» / Е. Д. Автонова, П. А. Астапенко, Д. В. Борейшо [и др.] // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2019. — № 9. — С. 68–118.
13. Лисиенкова Л. Н., Комарова Л. Ю. Обзор современных устройств хранения данных // Известия Тульского государственного университета. Серия «Технические науки». — 2020. — № 7. — С. 259–265.
14. Новоселова Л. А. Государственная регистрация программ для ЭВМ: модель будущего авторского права? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 1. — С. 62–71.
15. Рахматулина Р. Ш. Цифровая форма объектов авторского права // Право и цифровая экономика. — 2019. — № 1. — С. 35–38.
16. Савельев А. И. Хранение или воспроизведение? К вопросу о бремени доказывания по спорам о защите исключительного права на компьютерную программу. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 08.06.2016 № 308-ЭС14-1400 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2016. — № 8. — С. 20–24.

17. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. — М. : 4 Принт, 2020. — 304 с.
18. Скловский К. И., Костко В. С. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 7. — С. 115–143.
19. Фролов П. П. Депонирование как ключ к решению проблемы авторства музыкальных произведений // Право и бизнес. — 2021. — № 4. — С. 52–55.
20. Хаскельберг Б. Л. Основания и способы приобретения права собственности // Цивилистические исследования. Ежегодник гражданского права. — 2006. — Вып. 2. — С. 335–377.
21. Хаскельберг Б. Л., Ровный В. В. Индивидуальное и родовое в гражданском праве. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2004. — 236 с.
22. Чурилов А. Ю. К проблеме понятия и правовой природы смарт-контракта // Юрист. — 2020. — № 7. — С. 25–30. — DOI: 10.18572/1812-3929-2020-7-25-30.
23. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование оборота невзаимозаменяемых токенов: проблемы и перспективы // Хозяйство и право. — 2022. — № 1. — С. 64–75.
24. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование применения технологии блокчейн : монография. — М. : Юстицинформ, 2021. — 152 с.
25. Щербак Н. В. Digital art в условиях электронной коммерции // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2022. — № 7. — С. 43–61.
26. Юзефович Ж. Ю., Хазова В. Е. Цифровые права как объекты гражданских прав // Гражданское право. — 2022. — № 5. — С. 15–18.
27. Bondi A. B. Characteristics of scalability and their impact on performance. In Proceedings of the 2nd international workshop on Software and performance. Association for Computing Machinery, NY, USA. 2000. — P. 195–203. — DOI: 10.1145/350391.350432.

Материал поступил в редакцию 28 июня 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akhmedov A. Ya. K voprosu o priznakakh smart-kontrakta kak dogovornoy konstruksii // Pravo i tsifrovaya ekonomika. — 2020. — № 2. — S. 22–25.
2. Belov V. A. Smart-kontrakt: ponyatie, pravovoe regulirovanie, pravoprimenitelnaya praktika, potrebitelskie otnosheniya // Pravo i ekonomika. — 2021. — № 9. — S. 35–41.
3. Belousov V. N. Dogovor ob otchuzhdenii isklyuchitelnogo prava kak samostoyatelnyy institut grazhdanskogo prava // Grazhdanskoe pravo. — 2020. — № 1. — S. 20–23.
4. Blagopoluchnaya K. V. O novoy sisteme verifikatsii tsifrovyykh faylov WIPO PROOF // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2020. — № 7. — S. 37–44.
5. Gavrilo E. Konsensualnye i realnye dogovory v chasti chetvertoy GK RF // Khozyaystvo i pravo. — 2019. — № 2. — S. 57–63.
6. Gavrilo E. O sodержanii isklyuchitelnykh prav na rezultaty intellektualnoy deyatel'nosti i sredstva individualizatsii // Khozyaystvo i pravo. — 2017. — № 6. — S. 3–12.
7. Goncharov A. I., Inshakova A. O., Matytsin D. E. Implementatsiya tsifrovyykh tekhnologiy v pravovoe regulirovanie oborota rezultatov intellektualnoy deyatel'nosti i sovershenstvovanie zashchity prav ikh avtorov // Yurist. — 2022. — № 2. — S. 15–28. — DOI: 10.18572/1812-3929-2022-2-15-28.
8. Grin O. S., Grin E. S., Solovov A. V. Pravovaya konstruksiya smart-kontrakta: yuridicheskaya priroda i sfera primeneniya // Lex russica. — 2019. — № 8. — S. 51–62.
9. Eremenko V. I. O postanovlenii Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 10: avtorskoe pravo i smezhnye prava // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2019. — № 8. — S. 5–22.

10. Kalyatin V. O. Khranenie proizvedeniya v tsifrovoy forme kak sposob ego ispolzovaniya // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2017. — № 1. — S. 70–81.
11. Kirsanova E. E. Pravovoe regulirovanie oborota prav na rezultaty intellektualnoy deyatel'nosti v tsifrovoy ekonomike: monografiya. — M.: Yustitsinform, 2022. — 228 s.
12. Kommentariy k postanovleniyu Plenuma VS RF ot 25.12.2018 № 49 «O nekotorykh voprosakh primeneniya obshchikh polozheniy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii o zaklyuchenii i tolkovanii dogovora» / E. D. Avtonova, P. A. Astapenko, D. V. Boreysho [i dr.] // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2019. — № 9. — S. 68–118.
13. Lisienkova L. N., Komarova L. Yu. Obzor sovremennykh ustroystv khraneniya dannykh // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Tekhnicheskie nauki». — 2020. — № 7. — S. 259–265.
14. Novoselova L. A. Gosudarstvennaya registratsiya programm dlya EVM: model budushchego avtorskogo prava? // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 1. — S. 62–71.
15. Rakhmatulina R. Sh. Tsifrovaya forma obektov avtorskogo prava // Pravo i tsifrovaya ekonomika. — 2019. — № 1. — S. 35–38.
16. Savelev A. I. Khranenie ili vosproizvedenie? K voprosu o bremeni dokazyvaniya po sporam o zashchite iskluchitel'nogo prava na kompyuternuyu programmu. Kommentariy k opredeleniyu Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 08.06.2016 № 308-ES14-1400 // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2016. — № 8. — S. 20–24.
17. Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Tsifrovye aktivy: pravovoy analiz: monografiya. — M.: 4 Print, 2020. — 304 s.
18. Sklovskiy K. I., Kostko V. S. O ponyatii veshchi. Dengi. Nedvizhimost // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2018. — № 7. — S. 115–143.
19. Frolov P. P. Deponirovanie kak klyuch k resheniyu problemy avtorstva muzykalnykh proizvedeniy // Pravo i biznes. — 2021. — № 4. — S. 52–55.
20. Khaskelberg B. L. Osnovaniya i sposoby priobreteniya prava sobstvennosti // Tsivilisticheskie issledovaniya. Ezhegodnik grazhdanskogo prava. — 2006. — Vyp. 2. — S. 335–377.
21. Khaskelberg B. L., Rovnny V. V. Individualnoe i rodovoe v grazhdanskom prave. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2004. — 236 s.
22. Churilov A. Yu. K probleme ponyatiya i pravovoy prirody smart-kontrakta // Yurist. — 2020. — № 7. — S. 25–30. — DOI: 10.18572/1812-3929-2020-7-25-30.
23. Churilov A. Yu. Pravovoe regulirovanie oborota nevzaimozamenyaemykh tokenov: problemy i perspektivy // Khozyaystvo i pravo. — 2022. — № 1. — S. 64–75.
24. Churilov A. Yu. Pravovoe regulirovanie primeneniya tekhnologii blokcheyn: monografiya. — M.: Yustitsinform, 2021. — 152 s.
25. Shcherbak N. V. Digital art v usloviyakh elektronnoy kommersii // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2022. — № 7. — S. 43–61.
26. Yuzefovich Zh. Yu., Khazova V. E. Tsifrovye prava kak obekty grazhdanskikh prav // Grazhdanskoe pravo. — 2022. — № 5. — S. 15–18.
27. Bondi A. B. Characteristics of scalability and their impact on performance. In Proceedings of the 2nd international workshop on Software and performance. Association for Computing Machinery, NY, USA. 2000. — P. 195–203. — DOI: 10.1145/350391.350432.